

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Привилегированные виды убийства»

Студент

Ю.А. Александренко

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, О.Ю. Савельева

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Росдистант
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Аннотация

Актуальность данной бакалаврской работы обусловлена большим количеством проявлений данного преступления в настоящее время. Кроме того, данная тема является актуальной, так как убийство обладает высокой степенью опасности.

Целью исследования является изучение института привилегированного убийства.

Задачами исследования являются: установление определения убийства в российском уголовном праве; определение оснований для классификации убийств и классификация их на виды; анализ истории развития российского законодательства о привилегированном убийстве; дать уголовно-правовую характеристику каждому из существующих видов привилегированных убийств.

Объект исследования бакалаврской работы - общественные отношения, складывающиеся по поводу составов убийств при наличии привилегирующих признаков.

Предмет исследования бакалаврской работы - нормы уголовного законодательства, регулирующие институт привилегированного убийства в действующем уголовном праве.

При написании работы были использованы: нормативно-правовые акты, материалы судебной практики, учебная и специальная литература.

Оглавление

Введение	4
1.1 Понятие и классификация убийств в уголовном праве России	7
1.2 История развития законодательства о привилегированном убийстве	12
Глава 2 Уголовно-правовая характеристика привилегированных убийств....	21
2.1 Убийство матерью новорожденного ребенка	21
2.2 Убийство, совершенное в состоянии аффекта.....	35
2.3 Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.....	44
Заключение	53
Список используемой литературы и используемых источников	55

Введение

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена большим количеством проявлений данного преступления в настоящее время. Однако, исходя из данных статистики, на сегодняшний день показатели значительно снизились. Так, за период 2016 года было зарегистрировано 10444 убийства, включая покушения на убийство. В то время как за 2017 год зарегистрировано 9738 аналогичных преступлений, а за 2018 – 8574 [33]. При этом доля убийств снизилась с 0,048% и на сегодняшний день составляет около 0,043% от всех преступлений.

Кроме того, данная тема является актуальной, так как убийство обладает высокой степенью опасности. За совершение данного преступления законом предусмотрена ответственность в виде лишения свободы сроком от шести до пятнадцати лет, что дает право относить данное преступление к категории особо тяжких преступлений, в соответствии с положениями ч. 5 ст. 15 Уголовного кодекса РФ [65].

Степень научной разработанности темы исследования. В российских публикациях тема привилегированного убийства недостаточно освещена. Однако некоторые авторы все же рассматривают отдельные вопросы, касающиеся института привилегированного убийства в российском уголовном праве.

Так, свои работы посвятили отдельным вопросам о привилегированном убийстве такие специалисты, как С. Герберштейн, С.П. Донец, В.Б. Хатуев и другие авторы.

Значительные достижения исследований по вопросам института привилегированного убийства связаны с работами таких ученых, как А.Ю. Каримова, В.И. Кузнецов, С. Герберштейн, С.П. Донец, В.Б. Хатуев, а также других ученых.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу составов убийств при наличии привилегирующих признаков.

Предметом исследования являются нормы уголовного законодательства, регулирующие институт привилегированного убийства в действующем уголовном праве.

Целью работы является изучение института привилегированного убийства.

Достижение указанной цели обусловлено необходимостью постановки и решения следующих **задач**:

- установить определение убийства в российском уголовном праве;
- определить основания для классификации убийств и классифицировать их на виды;
- рассмотреть историю развития российского законодательства о привилегированном убийстве;
- дать уголовно-правовую характеристику каждому из существующих видов привилегированных убийств.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специально-юридические методы познания, такие как формально-юридический, системный, конкретно-исторический, логический, диалектический методы, правовой компаративистики, анализа и синтеза.

Теоретическая значимость исследования состоит в попытке всесторонне рассмотреть институт привилегированного убийства на современном этапе развития Российской Федерации. Анализ уголовно-правовых норм, иных нормативно-правовых актов позволяет сформулировать ряд предложений, направленных на устранение законодательных недочетов в области применения уголовного законодательства о привилегированном убийстве.

Практическая значимость состоит в том, что материалы исследования можно применить в научных исследованиях, которые

напрямую связаны с рассмотрением проблем института привилегированного убийства в уголовном законодательстве, в работе по разработке законодательных актов относительно составов привилегированных убийств, в учебном процессе, а также в иных исследованиях, проводимых в рамках института привилегированного убийства.

Апробация и внедрение результатов работы велись в течение всего исследования. Проблемные положения настоящего исследования изложены в статье: Александренко Ю.А. Проблема назначения справедливого наказания за убийство, совершенное в состоянии аффекта// Молодой ученый. 2019. № 18. С. 210-212.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав, подразделенных на пять параграфов, заключения и списка используемой литературы и использованных источников.

Глава 1 Привилегированное убийство: понятие и общая характеристика

1.1 Понятие и классификация убийств в уголовном праве России

Конституция РФ ст. 2 устанавливает, что человек, а также его права и свободы признаются высшей ценностью [22]. О чем свидетельствует и расположение глав в указанном источнике.

Так, права и свободы человека и гражданина закрепляются в главе второй Конституции РФ, расположенной после главы 1 под названием «Основы конституционного строя». Таким образом, законодатель показывает, что права и свободы человека и гражданина действительно являются высшей ценностью государства и подлежат обязательному и неукоснительному соблюдению всеми субъектами права и гражданами Российской Федерации, а также защите в случае их нарушения.

В соответствии со ст. 20 Конституции РФ, каждый имеет право на жизнь. Данная норма также указывает, что гражданин может быть лишен права на жизнь посредством применения к нему смертной казни. При этом оговаривая, что такое наказание применяется в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации вплоть до ее отмены.

В соответствии со ст. 3 Всеобщей декларации прав человека, каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность [10].

Рассматривая конституционные права граждан, А.Ю. Каримова говорит, что право на жизнь является неотъемлемым правом, без которого будет потерян смысл в установлении других прав и гарантий [19, с. 113].

Отсюда можно определить, что жизнь человека является высшей ценностью.

Ч. 1 ст. 105 УК РФ определено, что убийством признается умышленное причинение смерти другому человеку.

Для установления определения убийства необходимо выявить, что же такое жизнь человека и что подразумевается под смертью.

Под жизнью понимается совокупность биологических (физиологических) процессов в организме человека с момента рождения до момента смерти. Начальным моментом жизни принято считать момент начала физиологических родов. При этом не ставится в зависимость момент полного отделения плода от утробы матери и момент начала самостоятельного дыхания плода.

Однако, как считают Ф.Р. Сундуров и М.В. Талан, если следовать такому взгляду, умерщвление не отделившегося от утробы матери плода уже представляет собой посягательство на жизнь человека. Вместе с тем авторы полагают, что у этого подхода имеется существенный недостаток, который заключается в следующем: без начавшегося дыхания ребенка и наличия воздуха в его легких сложно установить жизнеспособность плода в момент посягательства [62, с. 27].

По поводу конечного момента жизни в научных кругах складывается множество позиций. Так, в соответствии со ст. 9 Федерального закона от 22.12.1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека», органы и (или) ткани могут быть изъяты у трупа для трансплантации, если имеются бесспорные доказательства факта смерти, зафиксированного консилиумом врачей-специалистов. При этом заключение о смерти дается на основе констатации необратимой гибели всего головного мозга (смерть мозга) [70]. Таким образом, как момент окончания жизни закон указывает необратимую гибель всего головного мозга.

Исходя из положений ст. 66 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», моментом смерти человека является момент смерти его мозга или его биологической смерти (необратимой гибели человека). При этом, как указано в законе, смерть мозга наступает при полном и необратимом прекращении всех его функций, регистрируемом при работающем сердце и искусственной

вентиляции легких. Биологическая же смерть человека, согласно указанной статье, устанавливается на основании наличия ранних и (или) поздних трупных изменений [69].

Г.С. Саркисов и Ю.А. Красиков полагают, что конечным моментом жизни является биологическая смерть, которая представляет собой совокупность необратимых процессов, представляющих собой прекращение снабжения тканей организма кислородом, непоступление крови в головной мозг, распад клеток центральной нервной системы, исчезновение электрической активности мозга [50, с. 14].

Н.Е. Крылова и В.В. Сафонов полагают, что момент окончания жизни человека определяется моментом полной необратимой гибели головного мозга (смерти мозга), а не моментом биологической смерти [25, с. 54].

Н.П. Кондрусевич предлагает понимать под моментом смерти человека наступление смерти мозга при неэффективности реанимационных мероприятий в установленный 30-минутный срок, либо установление признаков биологической смерти [21, с. 58].

Таким образом, исходя из рассмотренных точек зрения относительно окончания жизни человека, предлагаем под ним понимать момент смерти его мозга или его биологической смерти (необратимой гибели человека).

Отсюда следует, что деяние, повлекшее прекращение всех биологических процессов в организме человека, начавшихся в момент его рождения, не может быть совершенным неосторожно.

Кроме того, данное законодателем определение свидетельствует о том, что к убийству он относит только умышленные деяния.

Под неосторожным лишением жизни в ст. 109 УК РФ подразумевается «причинение смерти по неосторожности». Однако, УК РСФСР от 27.10.1960 предусматривал в ст. 106 убийство по неосторожности, таким образом, указывая на возможность совершения убийства как с умышленной, так и неосторожной формой вины [66].

По нашему мнению, нынешняя точка зрения законодателя является более правильной, так как, мы полагаем, что убийство само по себе не может рассматриваться как совершенное по неосторожности, так как для совершения убийства необходим умысел.

Так, можно предположить, что убийство с умышленной формой вины и причинение смерти по неосторожности – являются верными формулировками в рамках закона.

А.С. Амирасланов полагает, что краткость законодательной формулировки убийства привела к тому, что из определения «выпал» признак противоправности преступления и некоторые признаки, присущие объекту посягательства. Автор отмечает, что существует необходимость в введении доктринального определения убийства, которое будет дополнять законодательное [3, с. 110].

В.И. Кузнецов исходит из того, что законодательное определение убийства не позволяет четко разграничивать с ним смежные составы преступлений. Так, по его мнению, под убийством необходимо понимать общественно опасное, противоправное, умышленное причинение смерти другому человеку, когда оно не направлено одновременно на иное охраняемое уголовным законом общественное отношение [27, с. 41].

Так, исходя из вышесказанного, мы полагаем, что в законодательное определение убийства необходимо внести корректировки в области признания данного деяния противоправным.

Действующим уголовным законодательством признаются такие виды убийств, как:

- простое убийство (ч. 1 ст. 105 Уголовного кодекса РФ);
- убийство с отягчающими обстоятельствами или квалифицированное убийство, предусмотренное ч. 2 ст. 105 УК РФ;
- убийство со смягчающими вину обстоятельствами – привилегированное убийство.

К привилегированным же убийствам закон относит:

- убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ);
- убийство в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ);
- убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 108 УК РФ).

Такую классификацию законодатель выдвигает исходя из некоторых обстоятельств совершения преступления. Например, совершение убийства с особой жестокостью нельзя признать простым убийством, так как его общественная опасность гораздо выше, нежели простое убийство. Также, совершение убийства в состоянии аффекта, то есть сильного душевного волнения, вызванного некоторыми обстоятельствами, невозможно признать просто убийством в связи с тем, что потерпевший оказывал психическое или физическое воздействие на виновного непосредственно перед совершением преступления или же на протяжении долгого времени перед совершением преступления. В связи с указанным, данная классификация имеет место быть.

В первую очередь, данная классификация позволяет разграничить ответственность за совершение убийства при тех или иных обстоятельствах. Помимо этого, она дает возможность определить, какие обстоятельства могут признаваться смягчающими ответственность, а какие – отягчающими.

В связи с этим, наличие вышеуказанной классификации убийств является, как мы полагаем, неотъемлемым условием для верной квалификации совершенного убийства, а также установления уголовной ответственности.

Исходя из сказанного, необходимо указать, что под убийством, по нашему мнению, следует понимать противоправное виновное умышленное причинение смерти другому человеку.

Кроме того, стоит особенно отметить, что разделение убийств по видам на простое, квалифицированное и привилегированное дает законодателю возможность разграничивать ответственность за совершение убийства при наличии квалифицирующих или привилегирующих обстоятельств [61, с. 8].

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что законодательную точку зрения в области определения понятия убийства необходимо скорректировать в части указания на противоправность совершения такого деяния в связи с возможностью легального лишения жизни другого человека при исполнении наказания в виде смертной казни.

1.2 История развития законодательства о привилегированном убийстве

Обратившись к истории развития института убийства, мы установили, что впервые убийство упоминается в качестве преступления еще в 911 году в договоре князя Олега с греками. Однако в его норме не содержалось самого определения понятия убийства, а лишь были выделены субъекты и объект преступного посягательства [30, с. 189].

Развитие и становление института привилегированного убийства в российском уголовном праве имеет глубокие исторические корни.

Уже средневековое уголовное законодательство, построенное в основном на обычае, содержало в себе достаточно большое количество составов преступлений, в число которых, конечно, входило и убийство.

Первоначальный источник права на Руси – Русская Правда в своей пространной редакции уже гласит о таком привилегированном убийстве, как убийство в состоянии аффекта. Правда, открыто об этом закон XV века не говорит. Источник указывает: «Если кто убьет женщину, то судить, таким же судом, что и за убийство мужчины; если же «убитый» будет виноват, то платить полвиры 20 гривен» [49]. То есть, законодатель говорит об аффекте, вызванном предшествующим противоправным поведением потерпевшего. В целом по Русской Правде убийство называлось душегубством, а виновный в таком посягательстве признавался лихим человеком.

Судебник Ивана III, принятый в 1497 году, не выделяет привилегированное убийство. Он лишь различает простое убийство и

квалифицированное [57]. Квалифицированным убийством, согласно данному источнику, является «государское убийство», под которым понимается «убийство господина» [12, с. 119]. Данный источник права не изменил терминологии в области убийства, которое в соответствии с ним так и признавалось душегубством.

После институт привилегированного убийства в российском уголовном праве начинает стремительно развиваться. Так, Соборное уложение 1649 г. в качестве привилегирующего признака рассматривает неумышленность убийства. К таким относятся, в частности, убийство при необходимой обороне, а также причинение смерти по неосторожности. Кроме того, привилегирующим признаком при убийстве считалась защита слугой своего господина. В этом случае со слуги снималась уголовная ответственность [56].

Отсюда следует, что институт привилегированного убийства берет свои начала в основном из Соборного уложения, в котором убийство уже подразделяется на три существующих, на сегодняшний день, вида.

Артикул воинский 1715 года в качестве привилегированных составов рассматривает:

- убийство подстрекателя к убийству другого лица;
- убийство виновного лица при самообороне;
- убийство по неосторожности;
- ненарочное и неумышленное убийство;
- неумышленное убийство в связи с причинением побоев (вследствие наказания) [7].

Также стоит отметить, что в соответствии с данным источником к убийству может быть отнесено и самоубийство [14, с. 30].

Кроме того, Артикул воинский предусматривает такие привилегированные составы убийств, при которых лицо, его совершившее, освобождается от наказания. К таким относится, в частности, убийство при самообороне.

Свод законов Российской Империи не привнес особенных изменений в область института привилегированного убийства. Существенным изменением в данном источнике стало лишь изменение терминологии, а именно: понятие душегубства, как убийства, было заменено понятием смертоубийство [53].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845г. не рассматривает убийство как уголовно-наказуемое деяние, а, соответственно, не указывает его привилегирующих признаков. Но, несмотря на это, закон уже четко устанавливает перечень обстоятельств, которые исключают виновность деяния. Из них можно определить, что убийство при необходимой обороне не будет существовать как привилегированный состав преступления, так как данное деяние не повлечет за собой ответственности [67].

Уголовное уложение 1903 г. различает большое количество привилегированных составов убийства. В качестве такового закон рассматривает:

- приготовление к убийству или состояние в сообществе, состоявшемся для совершения убийства;
- убийство в состоянии сильного душевного волнения, а также убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения, вызванного насилием над личностью или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего;
- убийство при превышении пределов необходимой обороны;
- убийство, совершенное по настоянию убитого из сострадания к нему;
- убийство матерью новорожденного внебрачного ребенка;
- убийство матерью плода (аборт);
- убийство плода другим лицом при согласии беременной [63].

Также данный закон знает причинение смерти по неосторожности. Данный состав является привилегированным, но уже не относится к

убийству. Источник разграничивает убийство и причинение смерти по неосторожности.

Первое из них – преднамеренное убийство законных детей – рассматривалось законодателем как тяжкое родственное убийство, то есть как убийство при отягчающих обстоятельствах.

Отсюда следует, что в начале XX века уголовное законодательство в области привилегированного убийства стремительно развивается и называет уже достаточно большое количество привилегированных составов убийства. Кроме того, следует отметить, что в данном источнике уже используются такие законодательные конструкции, которые применяются и на сегодняшний день в уголовном законодательстве.

В 1922 году был принят УК РСФСР. Глава V Особенной части указанного нормативного акта была посвящена преступлениям против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности [32].

Раздел 1 указанной главы устанавливает ответственность за совершение убийства. В данном разделе так же, как и в Уголовном уложении 1903 г., можно увидеть, что присутствует убийство, совершенное по настоянию убитого из сострадания к нему. Однако данный кодекс уже исключает привлечение к ответственности за совершение такого убийства.

Помимо указанного, Уголовный кодекс РСФСР предусматривает такие виды привилегированных убийств, как:

- умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения, вызванного противозаконным насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего;
- убийство при превышении пределов необходимой обороны;
- убийство при превышении мер, необходимых для задержания преступника;
- убийство по неосторожности;

- прерывание беременности лицами, не имеющими специальной медицинской подготовки с согласия беременной или в ненадлежащих условиях.

Таким образом, Уголовный кодекс РСФСР исключает такие привилегированные составы убийства, существовавшие в Уголовном уложении 1903 г., как:

- приготовление к убийству или состояние в сообществе, состоявшемся для совершения убийства;
- убийство в состоянии сильного душевного волнения;
- убийство матерью новорожденного внебрачного ребенка;
- убийство матерью плода (аборт);
- убийство плода другим лицом при согласии беременной.

В новом кодексе законодатель исключил такой привилегированный состав убийства, как убийство в состоянии аффекта. То есть, он предположил, что состояние сильного душевного волнения может быть вызвано лишь предшествующим противоправным поведением потерпевшего.

Стоит обратить особое внимание на такой вид убийства, как убийство матерью ребенка. До 1927 г. все советские уголовные кодексы рассматривали это убийство как один из видов квалифицированного убийства, так как на виновном лежала обязанность особой заботы о потерпевшем. Неверным является утверждение, что к привилегированным видам убийства УК РСФСР 1922 г. относил и детоубийство [71, с. 83]. Так, не всегда убийство матерью новорожденного ребенка законодательством оценивалось как привилегированное убийство.

Принятый в 1960 УК РСФСР значительно изменил перечень привилегированных составов убийства. Так, если УК 1922 года насчитывал 5 привилегированных составов, то в УК 1960 года – 3:

- убийство при превышении пределов необходимой обороны;
- неосторожное убийство;

- умышленное убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего или противозаконным поведением потерпевшего, если это могло повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких [66].

Так, можно сделать вывод, что на протяжении большого временного промежутка в качестве привилегирующего признака законодатель официально признает только аффект, который мог бы быть вызван насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего. В этой области, как мы полагаем, видение законодателя было ограниченным. Однако данное положение вполне отвечало уровню развития общества и государства на данный промежуток времени.

На сегодняшний день институт привилегированного убийства представлен тремя составами, при этом убийство, совершенное в состоянии аффекта, также остается в качестве привилегированного состава. Однако нынешнее законодательство немного расширяет перечень оснований, которыми может быть вызвано состояние аффекта.

Ст. 107 УК РФ к таким основаниям относит насилие, издевательство, тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего, либо иные противоправные или аморальные действия (бездействие) потерпевшего, а также длительная психотравмирующая ситуация, возникшая в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего [65].

Несмотря на наличие на данный момент исчерпывающего, по нашему мнению, перечня привилегированных убийств, в теории уголовного права все же разгораются дискуссии по поводу отнесения к ним эвтанази.

Так, М.М. Антоненко полагает, что причинение смерти лицу по его просьбе необходимо ввести в действующий Уголовный кодекс в качестве привилегированного состава убийства. Для этого, как отмечается автор, необходимо точное определение медико-биологических критериев эвтаназии для уголовно-правового понятия, а именно: наличие неизлечимого

заболевания; продолжительность применения медикаментозного лечения; неотвратимость летального исхода; наличие физических страданий как невыносимых; истощенность всех возможных медицинских средств, а также согласие лица на причинение ему смерти.

Как считает М.М. Антоненко, необходимо введение в Уголовный кодекс РФ нового состава убийства, предусматривающего уголовную ответственность как привилегированный состав убийства с учетом мотивов и смягчающих обстоятельств [4, с. 72].

Н.Е. Аленкин, в свою очередь, также выделяет указанные М.М. Антоненко признаки эвтаназии и утверждает, что данные признаки показывают принципиальное отличие эвтаназии от простого, а тем более, квалифицированного убийства. Автор замечает, что убийство всегда совершается против воли потерпевшего.

В случае же эвтаназии его воля направлена на уход из жизни, более того, неизлечимо больной человек настойчиво просит об этом исполнителя, что охватывается умыслом последнего. Кроме того, автор указывает, что цель эвтаназии носит нравственный характер, в связи с чем, квалификация эвтаназии как простое убийство противоречит принципу справедливости [2, с. 45].

Как мы считаем, представленный на данный момент перечень видов квалифицированных убийств является полным и включение эвтаназии в перечень привилегированных убийств не является целесообразным.

Во-первых, закон предусматривает такое смягчающее обстоятельство, как совершение преступления по мотиву сострадания, в ст. 61 УК РФ.

Во-вторых, мы полагаем, что на правоприменительном уровне достаточно трудно будет разграничить такие составы преступлений, как эвтаназия и неоказание помощи больному.

Кроме указанного, думается, что в связи с введением такой нормы в качестве привилегированного убийства участвуют случаи совершения таких убийств, а также возрастает и количество простых убийств, совершенных под

предлогом эвтаназии. Иными словами, будет допускаться злоупотребление правом, а также будут возникать ошибки при квалификации совершенного деяния.

Более того, мы считаем, что эвтаназию возможно признать убийством, хоть и совершенным из чувства сострадания. Однако такое не дает право человеку на распоряжение жизнью другого человека. В данном случае, мы полагаем, что больной вправе сам распоряжаться своей жизнью, следовательно, он вправе выбрать в качестве способа избавления от мучений самоубийство любым путем, в том числе и путем отказа от продолжения лечения.

Из изложенного следует, что в РФ медицинским работникам на законодательном уровне запрещается осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента.

Хотя в теории возможны случаи эвтаназии в России, когда пациент отказывается от медицинского вмешательства, то есть пассивная форма эвтаназии может существовать. Но, несмотря на это, нельзя приравнивать право на свободное распоряжение жизнью к праву на смерть, пусть и желанную.

В результате исследования, стоит сделать вывод о том, что понятие убийства развивалось с течением истории, а вместе с тем развивался и институт привилегированного убийства, который, в свою очередь, на сегодняшний день можно признать логически завершившим свое развитие в области установления смягчающих наказание обстоятельств.

Кроме того, необходимо отметить, что развитие и становление института привилегированного убийства в российском уголовном законодательстве прошло долгий исторический путь. В различные периоды времени к привилегированным убийствам относились различные виды убийств в зависимости от уровня общественного развития и правосознания.

Однако, несмотря на всю тернистость и продолжительность пути, в настоящее время институт привилегированных убийств выглядит должным образом. Как мы полагаем, имеющиеся на сегодняшний день виды привилегированных убийств полностью отвечают требованиям общественного уровня правосознания, в связи с чем, перечень таких составов мы считаем исчерпывающим и не подлежащим дополнению.

В связи с вышеуказанным, стоит отметить, что на данном этапе исследования нами не выявлено недочетов и пробелов в уголовном законодательстве, связанных с институтом привилегированных убийств.

Подводя итог, можно сказать, что развитие уголовного законодательства об убийстве в России берет свое начало еще в дореволюционный период и развивается по сей день.

Так, к примеру, законодатель вносит поправки, касающиеся введения новых квалифицирующих признаков убийства.

Кроме того, Верховным Судом РФ и Пленумом Верховного Суда РФ даются разъяснения, выносятся постановления и обобщается судебная практика по делам об убийствах.

Однако, что касается института привилегированного убийства, законодатель счел его достаточно проработанным и не нуждающимся в разъяснениях, в связи с чем разъяснения Пленума ВС РФ не касаются привилегированных составов убийства.

Глава 2 Уголовно-правовая характеристика привилегированных убийств

2.1 Убийство матерью новорожденного ребенка

Введение в конкретной нынешней формулировке в УК РФ такого состава преступления, как убийство матерью новорожденного ребенка, вызвало ряд острых дискуссий среди ученых. Во-первых, в данном составе присутствует достаточно много неопределенностей, во-вторых, – достаточно большое количество вопросов, в связи с чем, в правоприменительной практике возникают трудности относительно данного состава преступления.

Родовой объект – личность, об этом говорит наименование раздела VII Уголовного кодекса РФ. Видовой объект представлен жизнью и здоровьем человека, как указывает глава 16 данного источника. В качестве непосредственного объекта выступает жизнь новорожденного.

В настоящее время среди большинства авторов не утихают дискуссии относительно определения периода новорожденности, а также момента начала жизни. Проанализируем различные точки зрения.

По утверждению М.Киселевой «...на самом деле жизнь человека начинается до его физиологического рождения. Поэтому дискуссии о начале жизни с точки зрения уголовного правосудия - это, по сути, дебаты о степени ответственности за управление жизнью человека на разных этапах его развития (эмбрион-плод-ребенок). Вопрос о начале человеческой жизни также не является субъектом права, потому что закон формально отражает только уровень развития данного общества, его морально-нравственные ценности» [20, с. 55].

Так, А.Н.Попов считает, что начало жизни определяется с момента возникновения дыхания, осуществляемого самостоятельно, а также отделения от плаценты матери [36, с. 79].

По мнению С.В.Бородина, начало жизни отождествляемо с началом физиологического процесса, именуемого родами. При этом речь идет, в том числе, об убийстве ребенка, который еще не отделился от утробы матери [8, с. 118]. По УК РФ попытка причинения вреда эмбриону может быть квалифицирована в зависимости от обстоятельств дела как убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «г» ч. 2 ст. 105), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по признаку прерывания беременности (ст. 111) и незаконное проведение операции по искусственному прерыванию беременности (ст. 123).

Как полагает М.Г. Сердюков, при проведении судебно-медицинской экспертизы по поводу убийства новорожденного ребенка, эксперту следует поставить на разрешение несколько основополагающих вопросов: установление критериев новорожденности и жизнеспособности; установление критериев живорождения; уточнение продолжительности срока беременности матери [54, с. 64].

Инструкция «Об определении критериев живорождения, мертворождения, перинатального периода» определяла, что «живорождение – это полное изгнание или изъятие плода из организма матери независимо от периода беременности, и после такого отделения плод дышит или проявляет другие признаки жизни, такие как частота сердечных сокращений, пульс в пуповине или произвольное движение мышц, независимо от того, перевязана ли пуповина или произошло отделение плаценты» [18].

Н. Манчев утверждает, что «убийством считается умерщвление живого и жизнеспособного ребенка, а не способный к жизни ребенок, который неизбежно умрет при родах или сразу после рождения, не может рассматриваться в качестве человека и объекта убийства» [29, с. 38]. Однако мы в корне не согласны с его мнением и полагаем, что жизнь человека охраняется независимо от состояния здоровья и жизнеспособности. Такого же мнения придерживается и Н.И.Загородников [16, с. 186]. Наше мнение может быть обосновано тем, что если ребенок на момент рождения был

живым, но в силу нежизнеспособности умер, безусловно, он считается человеком. Кроме того, и объектом убийства нежизнеспособный ребенок может быть признан в том случае, если мать не знала о том, что он мертв, но сознательно совершала действия или бездействие, направленные на его убийство. В таком случае со стороны матери будет ошибка в свойствах объекта, то есть покушение на негодный объект.

В связи с тем, что в УК РФ не закреплено понятия «новорожденность», а также не установлены его признаки, то в педиатрии период новорожденности равен 1 мес., в гинекологии – 1-й нед., а судебная медицина определяет новорожденность одними сутками.

Для разрешения данной сложности необходимо учитывать состояние матери, обусловленное свойствами ее организма. Итак, период новорождения может определяться периодом начала жизни ребенка – физиологических родов и в течение суток. Стоит отметить, что этот период может затянуться и в таком случае необходимо использовать педиатрический критерий, равный одному месяцу [72, с. 203].

Другие же авторы не поддерживают данную точку зрения. Так, по мнению П.Кривошеина, период новорожденности (первый этап жизни ребенка) находится в прямой пропорциональности от развития ребенка [23, с. 38].

Л. Сердюк придерживается мнения о том, что временные рамки родов и времени «сразу же после родов» не установлены должным образом. Как объясняет автор: «для международного сопоставления отечественной статистики в области перинатологии, а также стандартов живорождения и мертворождения необходимо применять определения и понятия живорождения, мертворождения, перинатального периода и параметров физического развития новорожденного (согласно приказу Минздрава РФ от 4 декабря 1992г.)». Данные концепции приведем ниже.

Под живорождением необходимо понимать изгнание плода или удаление плода из организма матери. После такого отделения у плода

появляются признаки дыхания и жизни. Любой плод такого рождения рассматривается как живорожденный.

Мертворождение, в свою очередь, стоит рассматривать как смерть плода до того, как он был полностью изгнан или извлечен из организма матери, независимо от периода беременности. Признаками смерти плода являются отсутствие у него дыхания или основных признаков жизни.

Новорожденный – плод (продукт зачатия), достигший жизнеспособности, т.е. при массе тела 1000 г. и более (или, если масса при рождении неизвестна, при длине тела 35 см. и более или сроке беременности 28 недель и более) [53, с. 44].

Исходя из вышесказанного, мы классифицировали критерии определения момента новорожденности:

- судебно-медицинский – ребенок признается новорожденным в течение 24-х часов с момента полного отделения плода от матки;
- акушерско-гинекологический. В соответствии с этим критерием ребенок признается новорожденным в течение 7 суток со дня рождения;
- педиатрический. Новорожденным ребенок считается в течение 1 календарного месяца.

Мы полагаем, что к данному составу преступления могут быть применены все анализируемые нами критерии. Наше мнение обусловлено тем, что законодатель указывает различные временные отрезки совершения рассматриваемого преступления.

Объективная сторона – деяние как в форме действия, так и бездействия.

По форме совершения преступления различают активную и пассивную форму убийства новорожденного. Следует также отметить, что пассивная форма является наиболее распространенной. Пассивное убийство происходит

в случае, если мать не осуществляет кормление своего новорожденного ребенка, в результате чего он умирает от голода.

Обязательным признаком объективной стороны преступления является время его совершения. Для данного состава преступления характерны три временных отрезка:

- во время родов – с момента начала физиологических родов до полного отделения плода от матки;
- сразу после родов – убийство сразу же после родов означает, что оно происходит непосредственно после окончания физиологического процесса родов (в течение первых часов). При этом важно отметить, что исчисление времени осуществляется в часах и минутах;
- в течение 1 календарного месяца – преступление совершается по истечении 24-х часов с момента полного отделения плода от матки в течение 1 календарного месяца со дня рождения.

Е.Ю. Пудовочкин обосновывает, убийство новорожденного ребенка во время или сразу после родов указывает на то, что лишение жизни потерпевшего начинается с момента появления определенной части его тела вне матки и до конца послеродового периода, которое признается с момента отделения плаценты [47, с. 37].

Э.Ф. Побегайло считает, что убийство во время родов совершается в процессе родов до тех пор, пока не закончится физиологический процесс родов, то есть до того, как плод и послед будут изгнаны через естественный родовой канал [35, с. 121].

Помимо этого, обязательными признаками объективной стороны являются также условия и ситуация, при которых совершается преступление. Говоря об убийстве матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, важно отметить, что оно имеет место по прошествии некоторого времени

после родов. Для его квалификации по ст. 106 УК РФ необходимо установить наличие одного из следующих обстоятельств:

- психическое расстройство матери, не исключающее вменяемости. Факт психического расстройства устанавливается на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы. При этом вид, длительность и причины психического расстройства значения не имеют;
- нахождение матери в психотравмирующей ситуации. В данном случае правоприменитель устанавливает нахождение женщины в сложной жизненной ситуации.

Рассматривая данный состав преступления, важным является рассмотреть такой признак, как психотравмирующая ситуация. Данный признак объективной стороны не рассматривается законодателем в статье Уголовного кодекса, а также Верховный Суд не дает разъяснения по данному поводу, в связи с чем, невозможно конкретно установить обстоятельства, относящиеся к психотравмирующей ситуации.

Юридическая оценка психотравмирующей ситуации выступает в качестве многогранной проблемы вследствие того, что никакая ситуация сама по себе не может выступать в качестве неаивно воздействующей на психику человека [51, с. 30].

Проанализируем условия психотравмирующей ситуации: в момент совершения преступления имеет место психотравмирующая ситуация; психотравмирующая ситуация должна иметь явную взаимосвязь с беременностью и родами, а также с социальными факторами и судьбой как матери, так и ребенка; оценка ситуации как психотравмирующей не должна ограничиваться восприятием ее обвиняемой в качестве таковой, но также должна основываться на общечеловеческих ценностях; установление взаимосвязи между психотравмирующей ситуацией и принятым решением о совершении детоубийства [73, с. 223].

Психическое расстройство, которое не исключает вменяемости, отличается от невменяемости (ст. 22 УК РФ) [65] тем, что человек не может полностью понять природу своих действий или не может ими управлять. Мы полагаем, что условия, которые приводят к психическому расстройству, которое не исключает вменяемости, возникают независимо от процесса родов и носят биологический или медицинский характер, что нельзя сказать о психотравмирующей ситуации, являющейся преимущественно социальной по своей природе.

Когда преступление квалифицируется по ст.106 УК РФ, первоочередное внимание уделяется следующему аспекту: несет ли данное лицо уголовную ответственность и имеет ли оно какое-либо заболевание, препятствующие его уголовному преследованию. Также важно выяснить причины и обстоятельства совершения преступления и обстоятельства, непосредственно связанные с преступлением, совершенным конкретным лицом.

При этом М.В. Пентюхова отмечает, что «квалификация данного деяния осуществляется по уголовно-правовой норме исключительно тогда, если мать находится в одном из этих состояний исключительно в течение того периода, когда ребенок считается новорожденным» [34, с. 177].

Невозможно согласиться с такой точкой зрения, так как психотравмирующая ситуация или психическое расстройство матери может длиться гораздо дольше периода новорожденности ребенка. Кроме того, в диспозиции статьи законодатель прямо указывает на то, что признаки времени и обстоятельства не зависят друг от друга при квалификации по данной статье путем применения конструкции «а равно». Таким образом, период новорожденности ребенка и наличие психотравмирующей ситуации не зависят друг от друга в случае совершения данного преступления.

Судебная практика показывает, что большинство убийств матерью новорожденного ребенка совершаются в состоянии сильного эмоционального напряжения. Однако целесообразно отметить тот факт, что не все

совершенные убийства матерью новорожденного ребенка подлежат квалификации по норме ст. 106 УК РФ. Проанализируем один из примеров.

В 2011 году произошло одно из жесточайших убийств матерью месячного ребенка. Как указывает источник, «после убийства женщиной своего четырехнедельного ребенка, она ампутировала его конечности и удалила с его головы верхнюю кожно-мышечную ткань, затем выбросила конечности вместе с бытовыми отходами, а тело ребенка поместила в сумку и убрала в шкаф для белья» [11].

Полагаем, что в данной ситуации наблюдается заранее обдуманное убийство, совершенное в отношении заведомо беспомощного лица с особой жестокостью.

Кроме того, возможно привести пример из судебной практики относительно данного вопроса. Так, Андреева Г.Н., будучи беременной на начальном сроке беременности, сознательно не встала на учет по беременности в женскую консультацию, а после вовсе ушла из дома, чтобы супруг не подозревал о ее беременности, и проживала у родственницы. Один раз они виделись с супругом в гостях у знакомых, когда Андреева сообщила, что она прервала беременность путем аборта. Когда подошел срок родов, осужденная находилась в гостях у знакомых, распивала спиртные напитки, после чего поехала домой. Выйдя на железнодорожной станции, она почувствовала резкую боль в животе и поняла, что начинаются роды, в связи с чем, пошла в лог рядом со станцией и без посторонней помощи родила ребенка женского пола. Как установлено судебно-медицинской экспертизой, ребенок был новорожденным, живорожденным, жизнеспособным, доношенным. После рождения, ребенок заплакал, что привело в раздражение Андрееву Г.Н., и она заткнула ему рот куском туалетной бумаги, после чего нанесла руками не менее четырех ударов по голове и не менее одного удара в область грудной клетки. Как установила судебно-медицинская экспертиза, данные удары привели к перелому челюсти ребенка, скуловой дуги, кровоизлиянию в твердую мозговую оболочку, под мягкую мозговую

оболочку и иным травмам. По результатам судебно-медицинской экспертизы, ребенок умер от закрытой черепно-мозговой травмы, при этом, после причинения телесных повреждений, которые повлекли тяжкий вред здоровью по признаку опасности, ребенок мог жить короткий промежуток времени, но не более одного часа. В отношении Андреевой Г.Н. был вынесен приговор по ст. 106 УК РФ, так как ребенок действительно являлся новорожденным [40].

Указанные нами обстоятельства свидетельствуют о том, что убийство новорожденного ребенка Андреевой Г.Н. носило заранее обдуманый и умышленный характер. Кроме того, судебно-психиатрической экспертизой осужденная признана вменяемой, а наличие психотравмирующей ситуации или психического расстройства, не исключающего вменяемости, не установлено. В связи с чем, полагаем, что совершенному деянию дана неверная уголовно-правовая оценка. Считаем, что совершенное Андреевой Г.Н. преступление должно быть квалифицировано по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, так как данное деяние не содержит признаков, указанных в составе преступления, предусмотренном ст. 106 УК РФ.

Некоторые исследователи, в частности, Л.Л. Кругликов, считают, что «квалификация преступления, связанная с убийством матерью ребенка, совершенного во время или сразу после родов, должна всегда производиться по ст. 106 УК РФ независимо от состояния женщины, наличия или отсутствия психоэмоциональных влияний в родовом процессе» [24, с. 29]. Тем не менее, на наш взгляд, эта точка зрения противоречит объективным критериям состава преступления, что видоизменяет позицию законодателя. Момент совершения преступления, измеряемый временем, имеет место в любых составах преступлений, и выступает в качестве признака объективной стороны преступления. Тем не менее, уголовное право не наделяет такой элемент в качестве обязательного признака состава, при отсутствии которого изменяется квалификация преступления или деяние утрачивает свою уголовно-правовую ценность.

Учитывая, что время является обязательным признаком состава преступления в силу ст. 106 УК РФ, можно заключить, что данный признак носит квалифицирующий характер, поскольку он описывает наиболее бессильный период жизни ребенка и, на наш взгляд, не может указывать на привилегированность состава.

Как указывает В.Ф. Щепельков, «если убийство ребенка не связано с определенным психофизиологическим состоянием вследствие родов, его следует рассматривать как убийство без смягчающих обстоятельств. При этом в указанных ситуациях квалификация данного деяния должна осуществляться по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство лица, заведомо для виновного находящегося в состоянии беспомощности» [75, с. 63].

Так, состав данного преступления является материальным, так как он подразумевает наступление последствий в виде биологической смерти новорожденного ребенка.

Субъективная сторона – прямой и косвенный умысел. При этом мотив и намерение не влияют на квалификацию преступления.

К примеру, приговором суда Г. признана виновной в убийстве матерью новорожденного ребенка сразу после рождения.

В апелляционной жалобе адвокат Б., в защиту осужденной, указывает, что с приговором не согласна.

Изучив материалы уголовного дела, выслушав мнения участников процесса и изучив основание для апелляции, апелляционный суд не находит оснований для отмены или изменения решения суда.

Версия Г. об обстоятельствах дела, в том числе об отсутствии у нее умысла на убийство новорожденного, поскольку у нее открылось сильное кровотечение после родов и она испытывала плохое самочувствие, тем самым думая, что кто-то поможет новорожденному, являлась предметом рассмотрения суда первой инстанции и обоснованно отклонена по мотивам, детально указанным в приговоре.

На основании доказательств, исследованных на судебном слушании, суд обоснованно постановил, что, поскольку Г. никому не сообщала о своей беременности, родив ребенка на участке местности возле мусорных контейнеров в зимний период времени, оставив его на месте рождения, лежащим на асфальтовом покрытии, не желала оставлять ребенка живым. В то же время суд обоснованно заявил, что Г. не предприняла никаких шагов по спасению новорожденного, не сообщила никому и не обратилась за помощью.

Несмотря на доводы апелляции, все установленные по делу обстоятельства (пребывание новорожденного на асфальтовом покрытии в зимнее время, несообщение Г. в медицинские учреждения о своем состоянии, сокрытие ею беременности, последующим поведением, страхе осуждения близких родственников за рождение ребенка вне брака) свидетельствует об умысле Г. совершить убийство в отношении своего новорожденного [5].

Примером может являться так же случай из судебной практики Вологодской области, где А.С. Штыбен, только выписавшись из родильного дома, убила своего новорожденного ребенка. Было установлено, что подсудимая находилась в условиях психотравмирующей ситуации, обусловленной чувствами безвыходности и одиночества, финансовыми трудностями, а также отсутствием условий для воспитания ребенка. Приговором суда А.С. Штыбен признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ. Обвиняемая свою вину признавала в полном объеме и раскаивалась в содеянном [6].

В данном случае приговор суда считаем обоснованным и верным, так как подсудимая находилась в условиях психотравмирующей ситуации, приведшей к преступным последствиям.

Также полагаем необходимым рассмотреть судебную практику, в которой суды указывают, что именно они относят к психотравмирующей ситуации.

Например, приговор Балашовского районного суда Саратовской области от 21 октября 2015 г. № 1-173(1)/2015 в качестве оснований возникновения психотравмирующей ситуации подсудимой О.В. Нешевой указывает: «боязнь потерять работу и боязнь материальных трудностей, которые могли бы возникнуть при воспитании ребенка». Такое состояние подсудимой стало основанием для совершения убийства новорожденного ребенка [39].

Могойтуйский районный суд Забайкальского края, рассматривая уголовное дело по обвинению Т.В. Темниковой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 106 Уголовного кодекса, при постановлении приговора указал, что психотравмирующей ситуацией подсудимой явилось сложное материальное положение, а также то, что рождение ребенка для нее было нежелательным [44].

Нововоронежский городской суд Воронежской области в приговоре от 28 июня 2018 г. по уголовному делу № 1-66/2018 в отношении И.В. Лосевой указал, что у подсудимой сложилась длительная психотравмирующая ситуация, «...обусловленная распознаванием беременности на поздних сроках и невозможности ее легального прерывания, представлением об осуждающей и отвергающей позиции близких, ощущением одиночества, изоляции, а также низким материальным статусом, сомнением в возможности воспитать ребенка без помощи посторонних» [45].

Ленинский районный суд г. Грозного (Чеченская Республика) вынес приговор, квалифицировав действия подсудимой как убийство новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации. В приговоре суд указал, что такое состояние подсудимой возникло «из-за боязни общественного порицания и негативных последствий для себя, находясь в психотравмирующей ситуации, вызванной нежелательной беременностью, преждевременными родами и вызывавшей психологическую реакцию в виде напряжения, общего беспокойства, раздражительности, враждебности, снижения настроения и критических функций» [41].

В некоторых случаях суды не указывают основания возникновения психотравмирующей ситуации, не закладывая их в основу приговора. К примеру, Первомайский районный суд г. Владивостока Приморского края от 7 сентября 2017 г. вынес приговор по уголовному делу, указывая такие обстоятельства: «...страдающая психическим расстройством, не исключающим вменяемости в форме умственной отсталости легкой степени со слабо выраженными нарушениями поведения, сразу же после родов, находясь в эмоциональном напряжении, вызванном психотравмирующей ситуацией, совершила убийство» [46].

В связи с изложенным, необходимо отметить, что установление психотравмирующей ситуации как правовое явление, является оценочным фактором.

В основном, к психотравмирующей ситуации суды относят такие факторы, как послеродовая депрессия, сложное материальное положение, проблемы в семье, одиночество матери, нежелательную беременность, рождение ребенка и т.п. Субъектом данного преступления может выступать только лицо, обладающее специальными признаками: женщина, мать убитого ребенка, вменяемая, достигшая возраста 16 лет.

Однако, на наш взгляд, такой возрастной предел введен законодателем по отношению к данной норме несправедливо. Не достигшая шестнадцатилетнего возраста женщина, убившая своего ребенка сразу после родов в состоянии психического расстройства, будет освобождена от уголовной ответственности или привлечена к ней по общей норме (ст. 105 УК РФ)? Данный вопрос представляется обоснованным, поскольку привлечение к уголовной ответственности за совершение простого и квалифицированного убийства осуществляется с 14 лет, а за совершение данного вида убийства – с 16 лет. Такое законодатель, думается, ввел в связи с наличием у несовершеннолетних, не достигших к моменту совершения рассматриваемого преступления возраста 16 лет, психофизиологических особенностей, не позволяющих воспринимать

объективно складывающиеся обстоятельства. Однако если до достижения указанного возраста лицо способно воспринимать возможные последствия полового акта в виде беременности, почему законодатель снял с такого лица ответственность за восприятие факта рождения ребенка и необходимости заботы о нем? Данный вопрос до настоящего времени является открытым и спорным в научных кругах. Учитывая вышесказанное, рассмотрим некоторые точки зрения по данному вопросу.

Так, одни ученые полагают, что по значению ч. 3 ст. 17 и ст. 20 УК РФ «матери-детоубийцы», не достигшие возраста 16-ти лет, привлекаются к уголовной ответственности по общему положению, поскольку отсутствие признаков особенной нормы подразумевает действие общей [37, с. 11].

В.Н. Кудрявцев утверждает, что «если лицо, совершившее общественно опасное деяние, не может быть привлечено к ответственности за привилегированный состав преступления, например, если он еще не достиг необходимого для этого возраста, общая уголовная ответственность будет отменена» [26, с. 43].

Мы считаем, что данное мнение противоречит принципам квалификации преступлений. Фактом остается то, что в случае отсутствия в Особенной части привилегированного состава, устанавливающего уголовную ответственность в отношении лица, не достигшего установленного возраста, деяние должно быть квалифицировано по общей норме. В связи с изложенным, невозможно вменить в вину четырнадцатилетней матери совершение преступления, квалифицированного по ст. 106 УК РФ. Отсюда следует, что такое лицо должно быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 105 УК РФ.

Исходя из сказанного, можно заключить, что данный состав преступления недостаточно разработан законодателем в области определения периода новорожденности, взаимосвязанности таких признаков состава, как время и обстоятельства совершения преступления, установления

ответственности для лиц, не достигших к моменту совершения преступления 16 летнего возраста, а также в ряде иных указанных обстоятельств.

На основании этого, предлагаем на законодательном уровне определить период новорожденности, которым необходимо руководствоваться при определении времени совершения данного преступления в соответствии с судебно-медицинским критерием новорожденности, что позволит снизить уровень злоупотреблений со стороны виновных лиц признаками данного состава преступления и привлекать их к ответственности в соответствии с п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В связи с этим, снизится уровень убийств новорожденных детей.

Помимо указанного, предлагаем понизить возраст наступления уголовной ответственности за совершение деяния, предусмотренного данной статьей, до 14 лет, поскольку в настоящее время случаи рождения детей женщинами до достижения ими 16 лет встречаются довольно часто.

Таким образом, рассмотрев данный состав преступления, можно сказать, что он является привилегированным в связи с тем, что женщина в период беременности и родов находится в тяжелом психологическом состоянии и в результате этого может неверно оценивать объективную реальность. Но, несмотря на это, правоприменителю при квалификации содеянного необходимо исходить из общепринятых ценностей, а также фактических обстоятельств, повлиявших на психологическое здоровье матери, совершившей убийство своего новорожденного ребенка.

2.2 Убийство, совершенное в состоянии аффекта

В уголовном праве особое психическое состояние называется состоянием «аффекта». Данное состояние устанавливает пониженную ответственность за убийство (ст. 107 УК РФ).

Убийство, совершенное в состоянии аффекта, предусматривается уголовным законодательством как самостоятельный состав преступления в ст. 107 Уголовного кодекса РФ [65].

В законодательстве аффект приравнивается к состоянию внезапно возникшего сильного душевного волнения. Тем не менее, в психологии под аффектом понимается кратковременная и интенсивная эмоциональная стимуляция – особое состояние эмоций, связанное со стремительными изменениями в жизненных ситуациях человека.

Аффективное состояние следует рассматривать как результат различных событий, происходящих в повседневной жизни человека.

Важным аспектом воздействия является то, что эта эмоциональная реакция заставляет человека действовать, не чувствуя реальность, и теряя при этом контроль.

Видовым объектом данного преступления является личность, родовым же – жизнь и здоровье человека. Непосредственным объектом, в свою очередь, признается жизнь другого человека.

Объективная сторона данного состава преступления может выражаться лишь в форме действия. Так, если убийство совершается путем бездействия, то состав данного преступления отсутствует, так как преступление совершается умышленно.

Для объективной стороны данного состава преступления характерно наличие трех обязательных элементов: совершение действия, направленного на лишение жизни другого лица; последствия в виде биологической смерти этого лица; причинно-следственная связь между совершенным действием и наступившими последствиями.

Кроме того, в качестве обязательного признака объективной стороны выступает обстановка совершения деяния и предшествующая его совершению.

Так, законодатель указывает, что состояние аффекта может быть вызвано следующими действиями: насилием, запугиванием, унижением,

незаконными или аморальными действиями потерпевшего или длительной травмирующей психической ситуацией, возникшей в связи с этими действиями. Остановимся подробнее на каждом из указанных оснований возникновения состояния аффекта.

Насилие – под ним необходимо понимать любое физическое воздействие на организм другого человека помимо его воли. При этом, у потерпевшего от насилия воля не спрашивается или же игнорируется. Данное действие носит умышленный характер. Насилие может включать психологическое воздействие на других людей, выражающееся в угрозах физического насилия. В этом случае, угроза применения насилия должна быть реальной. Для установления реальности угрозы необходимо установить два критерия: объективный и субъективный.

Объективный критерий реальности угрозы означает, что у потерпевшего от такой угрозы лица после оценки происходящего возникла убежденность, что данная угроза может быть реализована. Такой критерий оценивается правоприменителем.

Субъективный критерий заключается в убежденности потерпевшего в возможности реализации угрозы, если она основана на оценке объективных обстоятельств происходящего. При этом, угроза может быть обращена как в настоящее, так и в недалекое будущее.

Издешательство заключается в совершении потерпевшим действий, подпадающих под признаки истязания, предусмотренного ст. 117 УК РФ, а также понуждение к выполнению исключительно унижительных действий.

Тяжкое оскорбление характеризуется как унижение чести и достоинства виновного, совершенного в грубой форме (как в устной, так и в письменной). При оценке тяжести оскорбления необходимо учитывать такие факторы, как насколько содержащиеся оскорбления действительны и в какой степени их форма противоречит общепризнанным нормам морали и нравственности, независимо от субъективной оценки виновным. Здесь в качестве общепризнанных норм морали необходимо рассматривать нормы

морали и нравственности, признанные всем обществом, а не отдельными его частями.

Под противоправными действиями потерпевшего подразумеваются любые уголовно-наказуемые действия потерпевшего.

Под аморальными действиями, в свою очередь, понимаются недопустимые с точки зрения норм морали и нравственности, действующих в конкретном обществе.

Систематические противоправные либо аморальные действия потерпевшего – уголовно-наказуемые действия или недопустимые с точки зрения морали и нравственности, совершенные потерпевшим в отношении виновного три и более раз. В данной ситуации действия потерпевшего создают для виновного психотравмирующую ситуацию, то есть сложную, значимую для виновного ситуацию, влекущую неверную оценку события виновным, сопровождающуюся изменением эмоционального фона. При этом, необходимо установить, что психотравмирующая ситуация носила длительный характер.

Вышеуказанные действия потерпевшего могут быть направлены не только на самого виновного, но и на его близких.

В соответствии с положениями п. 4, 3 ст. 5 УПК РФ близкими по родству являются супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки. Другие лица, кроме близких родственников и родственников лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, чья жизнь, здоровье и благополучие дороги потерпевшему, свидетелю в силу существующих личных отношений, относятся к категории близких лиц [64].

Как указывает М.А. Фомин, «в этом составе преступления исключительно незаконные действия потерпевшего создают необходимые условия, при которых у виновного проявляется состояние аффекта» [68, с. 30].

Н.В. Лысак считает, что «возникновение у виновного состояния аффекта может зависеть от противоправного или аморального поведения потерпевшего, а также других действий, которые часто обладают извинительным характером» [28, с. 8]. При этом он считает целесообразным введение общей формулировки, охватывающей поведение потерпевшего различного характера (противоправное, аморальное), но которое должно было бы носить извинительный характер.

Невозможно согласиться с таким мнением, так как с введением в закон такой формулировки, по рассматриваемой статье УК РФ, допускалось бы квалифицировать всякое действие потерпевшего, в какой-либо степени носящее «извинительный характер», а это является недопустимым в системе уголовного права. Именно поэтому УК РФ и установил исключительно неправомерное и аморальное поведение как необходимое условие возникновения состояния аффекта.

Тем не менее, указанное в законе поведение потерпевшего, на наш взгляд, может вызвать состояние аффекта в качестве элемента субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ.

Так, необходимо сказать, что данный состав преступления по конструкции объективной стороны является материальным, так как его обязательным признаком выступает следствие в виде биологической смерти другого человека.

Отсюда необходимо отметить, что данный состав является привилегированным по следующим основаниям: во-первых, ответственность за данное деяние смягчается в связи с тем, что виновный действует в особом психическом состоянии, при котором он не может в полном объеме осознавать характер совершаемых им действий. Во-вторых, критерием для привилегированности данного состава также служит провоцирующее поведение потерпевшего, в связи с которым у виновного наступает состояние сильного душевного волнения.

Кроме того, особым фактором, позволяющим квалифицировать совершенное деяние по рассматриваемой статье, выступает момент возникновения умысла на убийство и его реализации.

Закон допускает совершение этих преступлений с прямым и косвенным умыслом. Изучение же судебной практики по данной категории уголовных дел показывает, что в основном преступления совершаются исключительно с прямым умыслом, поскольку преступники пытаются избавиться от раздражителей.

Важно установить конкретные мотивы совершения таких преступлений. Так, С.В. Бородин утверждает, что чаще всего преступления в состоянии аффекта совершаются по мотивам мести и ревности [9, с. 209]. В свою очередь А.В. Наумов соглашается с этим утверждением, говоря, что месть и ревность - основные мотивы преступлений, совершенных в состоянии аффекта [31, с. 95].

В юридической литературе существуют противоречивые представления о мотивации таких преступлений. Так, Т.В. Сысоева определяет аффект как часть мотива, поскольку мотив является «стимулом, создающим органическое единство интеллектуальных, добровольных и эмоциональных моментов и выражающим необходимость совершения преступления человеком» [58, с. 454].

Взгляды Б.Ф. Сидорова, считающего, что аффект может быть самостоятельным мотивом преступления, также противоречивы [55, с.71]. Данная позиция является дискуссионной, поскольку мотив выступает стимулом для действий, а аффект – это эмоциональное состояние.

Психология различает две функции мотива – побудительную и направляющую. Первая активизируется провокационным поведением жертвы, а вторая направлена на преобразование существующей реальности. Стоит отметить, что умысел обязательно аффектированный.

Аффектированный умысел имеет место при наличии двух признаков в совокупности: умысел возник внезапно; умысел возник и реализовался в состоянии одного и того же физиологического аффекта.

По своей природе аффект бывает:

- физиологический;
- патологический. Разница между этими двумя видами аффектов заключается в том, что патологический аффект исключает вменяемость, а значит и уголовную ответственность, а физиологический – нет.

При патологическом аффекте лицо не осознает те действия, которые оно совершает, его сознание отключается, а при физиологическом аффекте сознание резко «суживается», но не «отключается» полностью.

Под физиологическим аффектом необходимо понимать такое психическое состояние человека, при котором связь между интеллектом и волей нарушена, но не прервана (при прерывании такой связи возникает состояние невменяемости).

Интеллектуальный момент заключается в способности осознавать свои действия и предвидеть их возможные последствия.

От волевого момента зависит способность лица руководить своими действиями. Понятие аффект (физиологический аффект) является первым закрепленным в новом УК РФ, а именно в ст. 107 УК РФ. Существует много противоречивых взглядов на законность этого термина в уголовном праве среди ученых, исследующих проблему аффекта. В.В. Романов указывает, что «требуется ввести в уголовный закон только понятие аффект, поскольку упрощенное, но не точное толкование известной психологической концепции, желание перевести ее на более осмысленный язык для более широкого круга не играет позитивной роли, но затрудняет учет преступлений, совершенных в состоянии аффекта» [48, с.16].

С.В.Бородин предлагает произвести замену терминологии, а именно: термин «аффект» на «внезапно возникшее сильное душевное волнение» [9, с. 54].

В настоящее время как законодатель, так и ученые в области уголовного права высказывают точку зрения о том, что состояние сильного душевного волнения и состояние аффекта – равнозначны.

Вышеупомянутая терминология является можно признать результатом небрежности или невнимательности сотрудников следствия и суда, а также определенного недопонимания ими роли аффекта в уголовном праве [48, с. 28]. Эти понятия не являются идентичными вследствие того, что степень душевного волнения выступает одним, хотя и наиболее насыщенным и выразительным, но не самым существенным признаком аффекта. Основной отличительной чертой аффекта является его воздействие на сознание и волю человека.

П. 15 Постановления Пленума ВС РФ от 27.09.2012 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» также раскрывает субъективные признаки данного состава. Он указывает на то, что обязательным признаком преступлений, совершаемых в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного действиями потерпевшего, является причинение вреда под влиянием указанного волнения [38].

По данному вопросу можно привести пример из судебной практики. Так, Ленинским районным судом г.Оренбурга было рассмотрено уголовное дело в отношении Носыревой О.Г., которая совершила убийство своего сожителя в состоянии аффекта, вызванного насилием со стороны потерпевшего, а также длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным и аморальным поведением потерпевшего. Сожитель Носыревой в очередной раз устроил скандал, а также применял в отношении Носыревой О.Г. физическое

насилие, выразившееся в истязании и нанесении ударов ногами по туловищу и конечностям последней, причинив Носыревой О.Г. телесные повреждения в виде кровоподтеков в области верхних конечностей, не повлекшие вреда здоровью, используя в качестве орудия преступления приисканый на месте происшествия кухонный нож, обладающий колюще-режущими свойствами, с целью убийства потерпевшего. Носырева О.Г. нанесла указанным ножом потерпевшему один удар в область живота, то есть в место расположения жизненно-важных органов, причинив, таким образом, сожителю телесные повреждения, повлекшие тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни, и убила его [42].

Таким образом, под аффектом необходимо понимать особое психическое состояние, в котором находится виновный в момент совершения убийства, характеризующееся крайним напряжением и душевным неравновесием. Аффект – особое состояние психики с бурным развитием и кратковременным пиком эмоционального переживания, сужением сознания и неспособностью контролировать свои действия.

Так, когда человек пребывает в состоянии физиологического аффекта, он не способен в полной мере осознавать характер своих действий, а также совершает убийство без каких-либо квалифицирующих обстоятельств, характеризующих субъективную сторону преступления – из корыстных побуждений, из расовой ненависти и т.д. [1, с. 211].

Субъект рассматриваемого состава преступления общий – вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

В свете сказанного, необходимо сделать вывод о том, что убийством, совершенным в состоянии аффекта, признается убийство, совершенное в форме действия в силу возникновения у виновного состояния аффекта в связи с предшествующим противоправным поведением потерпевшего.

Как нами было рассмотрено, данный состав преступления имеет некоторые сложности при квалификации. В частности, установление

состояния аффекта у виновного в момент причинения смерти потерпевшему признается достаточно сложной процедурой.

Объективная сторона данного состава преступления имеет свои особенности в виде обстановки совершения преступления, а также времени его совершения. Обстановка совершения такого убийства заключается в наличии предшествующего противоправного поведения потерпевшего, а время, в свою очередь, указывает временной интервал между такими действиями потерпевшего и причинением ему смерти действиями виновного лица, что позволяет говорить о наличии или отсутствии состояния аффекта у виновного.

2.3 Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление

Данная формулировка дана законодателем в ст.108 Уголовного кодекса РФ. Рассматриваемая статья предусматривает два самостоятельных состава преступления, закрепленных в различных частях указанной статьи.

Рассмотрим предусмотренные данной статьей составы преступления по порядку. Так, часть первая статьи 108 УК РФ предусматривает наказание за совершение такого деяния, как убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны.

В качестве непосредственного объекта рассматриваемого нами состава преступления выступает жизнь лица, посягающего на жизнь и здоровье виновного или его близких.

Объективная сторона данного состава преступления представлена деянием в форме действия, так как бездействием превышение совершено быть не может. Обязательным признаком рассматриваемого состава преступления является обстановка – превышение пределов необходимой обороны.

Так, под необходимой обороной, в соответствии с положениями ст. 37 УК РФ, следует понимать защиту личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом, интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия [65].

Необходимая оборона является обстоятельством, исключающим преступность деяния. Стоит отметить, что она считается правомерной только в том случае, если при защите от посягательства не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

При необходимой обороне выделяются следующие условия:

- условия правомерности, относящиеся к посягательству;
- условия, относящиеся к защите от посягательства [60, с. 131].

Под общественной опасностью как условием правомерности необходимой обороны, относящимся к посягательству, следует понимать возможность причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам в связи с посягательством.

Наличие посягательства в данном случае означает, что на момент совершения действий по необходимой обороне посягающий уже начал посягательство и оно еще не закончилось.

Действительность посягательства говорит о том, что посягательство существует в реальной действительности, а не в воображении лица, совершающего действия по необходимой обороне.

В данном случае необходимо рассмотреть вопрос о мнимой обороне. Так, обстоятельства, характеризующие состояние мнимой необходимой обороны, имеют свои пределы допустимости и рассматриваются по правилам фактической ошибки и неосторожной формы вины. Что касается фактической ошибки, то это может быть ошибка в объекте посягательства, в средствах посягательства, в характере действий посягающего, в развитии причинной связи посягательства и степени тяжести его возможных

последствий. Фактическая ошибка, как заблуждение обороняющегося относительно наличия и общественной опасности посягательства, является основанием мнимой необходимой обороны. Вопрос, насколько та или иная фактическая ошибка, допущенная обороняющимся при тех или иных обстоятельствах, может служить основанием мнимой необходимой обороны, разрешается в рамках неосторожной формы вины, а если точнее – в рамках неосторожности в виде небрежности. Если обороняющийся, находясь под влиянием фактической ошибки, не сознавал и по обстоятельствам дела не мог сознавать ошибочность своего предположения о наличии и общественной опасности посягательства, его действия расцениваются совершенными в состоянии необходимой обороны [15, с. 102].

Условия правомерности необходимой обороны, которые относятся к защите от посягательства, представлены следующим образом:

- причинение вреда только посягающему;
- соразмерность защиты и своевременность защиты.

Первым из условий правомерности защиты является то, что защита при необходимой обороне применяется только к посягающему и вред причиняется непосредственно только ему [74, с. 59].

Целесообразно отметить, что защита должна соответствовать по характеру и степени общественной опасности посягательства. Однако необходимо учитывать, что указанное требование распространяется только на случаи, охватываемые положениями ч. 2 ст. 37 УК РФ, то есть при защите от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия [13, с. 157].

При этом законодательные положения в данном случае не определяют четко отсутствие пределов, однако Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 в п. 10 прямо говорит о том, что при защите от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой

применения такого насилия (ч. 1 статьи 37 УК РФ), а также в случаях, предусмотренных ч. 2.1 статьи 37 УК РФ, обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему лицу [38].

Немаловажным условием является следующее: защита должна быть своевременной, то есть иными словами «преждевременная» и «запоздалая» оборона не могут рассматриваться по правилам необходимой обороны ввиду того, что пределы своевременной необходимой обороны определяются начальными и конечными моментами общественно-опасного посягательства.

Из изложенного можно сказать, что при определении обстановки превышения пределов необходимой обороны должны в совокупности учитываться следующие факторы:

- действия посягающего должны быть общественно-опасными, то есть ставить под угрозу причинения вреда, охраняемые уголовным законом, права и интересы личности;
- действия посягающего должны быть наличными, то есть должны уже начаться и еще не закончиться (могут еще не начаться, но вот-вот начнутся);
- действия посягающего должны существовать в реальной действительности, а не в воображении лица;
- действия виновного по защите должны быть направлены исключительно на посягающего;
- виновный защищает охраняемые уголовным законом права и интересы как свои, так и близких;
- несоразмерность действий виновного по защите совершенному посягательству, при этом действия по защите должны быть более интенсивными, чем посягательство, и должны быть чрезмерны.

При этом для установления несоразмерности необходимо в совокупности оценить следующие обстоятельства: объект посягательства – объект защиты; количество посягающих – количество обороняющихся; физические данные и наличие специальных навыков у посягающего и

обороняющегося; средства защиты – средства посягательства; обстановка, в которой осуществляется посягательство.

Таким образом, превышение пределов необходимой обороны достаточно не просто отграничить от превышения пределов крайней необходимости, в связи с чем, возникают сложности на практике. Помимо указанного, сложности у правоприменителей возникают и в связи с оценкой соразмерности причиненного вреда посягательству.

Так, Менделеевским районным судом республики Татарстан было рассмотрено уголовное дело в отношении М., совершившего, по мнению суда, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 108 УК РФ.

В ходе судебного заседания установлено, что М. находился в квартире по договоренности с ранее незнакомой ему С. и ее сожителем П., находящимся в состоянии алкогольного опьянения.

Так, между М. и С. начался спор о деньгах, в связи с чем виновный поспешил покинуть квартиру С. Однако ему не удалось этого сделать в связи с отсутствием дверной ручки с внутренней стороны двери. Между гражданами завязался конфликт, в ходе которого П. применял в отношении М. в качестве угрожающего оружия нож и высказывал угрозы в его адрес. Когда М. перехватил у П. нож, потерпевший попросил С. принести пистолет из соседней комнаты. М. осознавал фактическую возможность наступления неблагоприятных для него последствий в виде причинения вреда его здоровью, в связи с чем, предпринял действия, направленные на защиту от посягательства.

Так, он нанес П. не менее трех ударов ножом, в частности, один удар в область грудной клетки, а, увидев, что П. стал ослабевать, нанес ему еще один удар ножом в область грудной клетки, чем, по мнению суда, превысил пределы необходимой обороны [43].

На наш взгляд, в данном случае вывод суда был неверным, и в действиях М. отсутствуют признаки состава преступления,

предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ. Нашу точку зрения можно обосновать положениями ранее рассмотренного Постановления Пленума ВС РФ № 19.

Так, п. 14 указанного Постановления регламентирует: действия оборонявшегося лица нельзя рассматривать как совершенные с превышением пределов необходимой обороны, если причиненный вред хотя и оказался большим, чем вред предотвращенный, но при причинении вреда не было допущено явного несоответствия мер защиты характеру и опасности посягательства. Кроме того, данный источник указывает на то, что при определении превышения пределов необходимой обороны судам надлежит учитывать количество посягающих, обстановку совершения преступления, наличие у посягающего оружия и предметов, используемых в качестве оружия и т.д. [38].

Мы полагаем, что мнение суда неверно, так как при защите М. оборонялся от двух посягающих лиц, использующих нож как предмет угрозы, которым можно причинить вред здоровью, а также один из посягающих грозился использовать пистолет как оружие. Таким образом, думается, превышение пределов необходимой обороны не усматривается, в связи с чем, М. подлежит освобождению от уголовной ответственности.

Данный состав преступления по конструкции объективной стороны является материальным, в качестве последствий предусматривает наступление биологической смерти посягающего.

Субъективная сторона – умышленная форма вины с прямым и косвенным умыслом.

Субъект преступления общий – вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет.

Представляется целесообразным охарактеризовать состав преступления, предусмотренный частью 2 ст. 108 УК РФ (убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление).

Непосредственный объект – жизнь лица, которое совершило преступление.

Объективная сторона может выражаться деянием в форме действия. К числу обязательных признаков относится обстановка совершения преступления (превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление).

К условиям правомерности причинения вреда лицу, которое совершило преступное деяние, относятся следующие:

- виновное лицо совершило конкретно преступление, а не какие-либо правонарушения;
- виновное лицо предпринимает попытку оставления места преступления;
- кто именно совершил преступление.

В ч. 2 ст. 38 УК РФ законодатель обозначает превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, как «явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется не вызываемый обстановкой вред» [65].

Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, не может являться правомерным и социально-полезным поведением. Иными словами, задержание преступника правомерно тогда, когда оно необходимо, а причинение при этом вреда задерживаемому является вынужденным, допускаемым исключительно «в целях его задержания в целях доставления его органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений» [17, с. 397].

Превышение может быть только при умышленном причинении вреда (исходя из положений ч. 2 ст. 38 УК РФ) [65].

Это имеет очень важное значение, поскольку на практике при рассмотрении всех обстоятельств уголовного дела большое внимание

уделяется именно объективной стороне преступления, а ведь лицо, осуществляющее задержание в силу волнения, испуга, неожиданности может создать неверную оценку сложившейся реальной обстановке, как следствие, это может привести к причинению большего вреда.

Из этого можно сделать вывод об отсутствии умысла, а, следовательно, уголовная ответственность наступает по правилам фактической ошибки. И если лицо не знало и не могло знать о превышении пределов задержания, то оно подлежит освобождению от уголовной ответственности. Исходя из этого, субъективная сторона характеризуется наличием у лица, осуществляющего задержание, умысла как прямого, так и косвенного. Причинение вреда по неосторожности освобождает от уголовной ответственности [59, с. 90].

С целью установления факта превышения мер, необходимых для задержания лица, надлежит установить следующую совокупность признаков обстановки: у виновного должно быть право на задержание; иными способами, кроме совершения таких действий, невозможно было бы задержать преступника; целью совершения действий является задержание и доставление в отделение полиции лица, совершившего преступление, а не расправа над ним; действия по задержанию противоречат характеру и степени общественной опасности совершенного преступления, а также личности преступника.

Таким образом, обстановка совершения рассматриваемого преступления является обязательным признаком его состава.

Субъективная сторона – умышленная форма вины в виде косвенного умысла. При этом исключению подлежит цель причинения смерти лицу, в отношении которого применяются меры по задержанию.

Субъект общий – вменяемое физическое лицо, которое достигло шестнадцатилетнего возраста.

В свете сказанного, необходимо отметить, что рассмотренные нами составы преступлений объединены законодателем в одной статье –

превышение пределов необходимой обороны или превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

И в том и в другом случае убийство виновным совершается не с конкретной целью убийства, а в целях предотвращения и прекращения посягательства, а также задержания лица, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законодательством.

Для квалификации совершенного деяния по какой-либо части рассмотренной статьи необходимо установить совокупность некоторых обстоятельств, относящихся к условиям превышения пределов необходимой обороны или превышения мер, необходимых для задержания лица, наличие которых указывает на наличие в действиях виновного какого-либо из рассмотренных составов преступлений.

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что поставленные нами на рассмотрение задачи были разрешены в ходе исследования, а главная цель работы – успешно достигнута. Так, мы пришли к следующим выводам.

Мы установили, что современное уголовное законодательство выделяет такие виды убийств, как простое, привилегированное и квалифицированное. При этом в качестве привилегированных составов закон рассматривает убийство матерью новорожденного ребенка, убийство, совершенное в состоянии аффекта, а также убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

В ходе исследования мы определили, что институт развития привилегированного убийства имеет глубокие исторические корни, которые начинаются еще с древнейшего времени, когда в Российском государстве еще не было общего письменного права, а существовали лишь княжеские грамоты, регулирующие отдельные вопросы законодательства.

Кроме того, при рассмотрении такого состава преступления, как убийство матерью новорожденного ребенка, нами была выявлена проблема правоприменительной практики в области квалификации по данной статье действий лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста и недостатки такого подхода законодателя к возрасту уголовной ответственности в рамках данной статьи. В связи с этим, мы предложили законодателю усовершенствовать данный состав преступления путем снижения возраста уголовной ответственности за совершение данного деяния до 14 лет в связи с нынешними условиями развития общества.

Более того, рассмотрев такой состав преступления, как убийство, совершенное в состоянии аффекта, мы установили, что данный состав является достаточно сложным для квалификации, в частности, у правоприменителей возникают проблемы с установлением и возможностью

установления состояния аффекта виновного в момент причинения смерти потерпевшему.

Также нами были рассмотрены отраженные в статье 108 УК РФ составы преступлений: убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны и убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. В ходе исследования мы выявили, что данные составы схожи по конструкции объективной стороны, а именно каждый из указанных составов содержит в себе в качестве обязательного признака объективной стороны обстоятельства совершения преступления, а также наступление последствий в виде биологической смерти посягающего или задерживаемого.

Также мы определили, что для квалификации по ч. 1 ст. 108 УК РФ необходимо определить, что действия, совершенные виновным, были направлены на предотвращение или прекращение посягательства с целью исключения возможности квалификации содеянного по иным статьям Уголовного кодекса РФ по основанию, предусмотренному ч. 2 ст. 39 УК РФ, а именно превышение пределов крайней необходимости.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Александренко Ю.А. Проблема назначения справедливого наказания за убийство, совершенное в состоянии аффекта// Молодой ученый. 2019. № 18. С. 210-212.
2. Аленкин Н.Е. Система привилегированных составов убийства в уголовном праве России: вопросы совершенствования // Вестник Московского университета. 2012. № 4. С. 44-54.
3. Амирасланов А.С. Эволюция понятия убийства в уголовном праве России // Актуальные мировые тренды развития социально-гуманитарного знания. 2017. № 1. С. 110-113.
4. Антоненко М.М. Эвтаназия как привилегированный состав убийства: дисс. ... канд. юр. наук. Калининград, 2015. 253 с.
5. Апелляционное постановление Московского городского суда по уголовному делу № 10-11792 от 02 декабря 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.02.2020).
6. Апелляционное постановление Вологодского областного суда по уголовному делу № 22-1578/2016 от 8 сентября 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения: 16.02.2020).
7. Артикул воинский от 26 апреля 1715 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/articul.htm>. (дата обращения: 20.01.2020).
8. Бородин С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М. : Юрист, 1994. 216 с.
9. Бородин С.В. Преступления против жизни и здоровья. М. : Юрист, 1999. 365 с.
10. Всеобщая декларация прав человека (принята Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995, 4 апр.
11. Газета «Аргументы и факты». Женщина убила, а потом расчленила своего новорожденного ребенка [Электронный ресурс]: URL:<https://kuban.aif.ru/incidents/details/484623> (дата обращения: 10.02.2020).

12. Герберштейн С. Записки о Московии. М. : МГУ. 1988. 430 с.
13. Голубева М.А. Условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к защите. М. : МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. 256 с.
14. Донец С.П. Формирование и развитие института квалифицированных и привилегированных составов преступлений в истории российского уголовного законодательства // Вестник Вологодского государственного университета: преступление, наказание, исправление. 2015. № 4 (32). С. 27-30.
15. Ефимович А.А. Об условиях правомерности необходимой обороны, относящихся к личности обороняющегося и его действиям по защите от общественно опасного посягательства // Труды Братского государственного университета. 2007. №. 1. С. 99-105.
16. Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1961. 278 с.
17. Зайцев Р.Ю. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: условия правомерности и проблемы квалификации // Символ науки. 2019. № 6 (33). С. 395-399.
18. Инструкция об определении критериев живорождения, мертворождения, перинатального периода, утвержденная Приказом Минздрава РФ №318, Постановление Госкомстата РФ № 190 от 04.12.1992 // Консультант плюс: справочно-правовая система (утратила силу).
19. Каримова А.Ю. Конституционное право человека и гражданина на жизнь, свободу и личную неприкосновенность // Марийский юридический вестник. 2016. № 3 (18). С. 113-116.
20. Киселева М. Посягательство на жизнь эмбриона // Законность. 2010. № 1. С. 53-55.
21. Кондрусевич Н.П. Проблемы определения моментов начала и окончания жизни в уголовном праве // Юридический факт. 2018. № 28. С. 58-61.

22. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

23. Кривошеин П. Убийство матерью новорожденного ребенка // Уголовное право. 2005. № 3. С. 38-40.

24. Кругликов Л.Л. Преступления против личности. Ярославль, 1998. 120 с.

25. Крылова Н.Е., Сафонов В.В. К вопросу об определении момента окончания жизни человека в уголовном праве Российской Федерации // Уголовное право. 2010. № 3. С. 54-57.

26. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М. : Юридическая литература, 1972. 352 с.

27. Кузнецов В.И. Понятие убийства в российском уголовном праве // Сибирский государственный вестник. 2003. № 4. С. 41-46.

28. Лысак Н.В. Ответственность за убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения: дисс. ... канд. юр. наук. М. : Юридический институт МВД России, 1995. 192 с.

29. Манчев Н. Преступления против личности. София, 1963. 201 с.

30. Михеева М.А. Развитие уголовного законодательства об убийстве в дореволюционный период // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 1. С. 189-193.

31. Наумов А.В. Мотивы убийства. Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1969. 101 с.

32. О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р.: Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153. (утратил силу).

33. Официальный интернет-портал правовой статистики [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 23.01.2020).

34. Пентюхова М.В. Понятие и признаки убийства матерью новорожденного ребенка // Научные труды Северо-Западного института Управления РанХиГС. 2013. № 3 (10). С. 173-178.

35. Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Уголовно-правовое и криминологическое исследование. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1965. 161 с.

36. Попов А.Н. О начале уголовно-правовой охраны жизни в Российской Федерации // Криминалист. 2013. № 2 (13). С. 77-84.

37. Попов А.Н. Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ). СПб. : Юридический институт Генеральной Прокуратуры РФ, 2001. 68 с.

38. Постановление Пленума ВС РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. 2012. 3 окт.

39. Приговор Балашовского районного суда Саратовской области по уголовному делу № 1-173(1)/2015 от 21 октября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения: 02.02.2020).

40. Приговор Волоконовского районного суда Белгородской области по уголовному делу № 1-12/2019 от 14 марта 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.02.2020).

41. Приговор Ленинского районного суда г. Грозного (Чеченская Республика) по уголовному делу № 1-24/2017 от 3 февраля 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 18.02.2020).

42. Приговор Ленинского районного суда г. Оренбурга по уголовному делу № 1-346/2018 от 20 июня 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения: 18.02.2020).

43. Приговор Менделеевского районного суда Республики Татарстан по уголовному делу № 1-85/2019 от 13.08.2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения: 01.03.2020).

44. Приговор Могойтуйского районного суда Забайкальского края по уголовному делу № 1-121/2015 от 28 августа 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения: 02.02.2020).

45. Приговор Нововоронежского городского суда Воронежской области по уголовному делу № 1-66/2018 от 28 июня 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения: 02.02.2020).

46. Приговор Первомайского районного суда г. Владивостока Приморского края по уголовному делу № 1-354/2017 от 7 сентября 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sudact.ru> (дата обращения: 03.02.2020)

47. Пудовочкин Е.Ю. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 293 с.

48. Романов В.В., Панова М.Н. Толкование понятие «аффекта» при расследовании преступлений против жизни и здоровья: о серьезных последствиях терминологической путаницы // Российская юстиция. 2008. № 6. С. 15-18.

49. Русская Правда (пространная редакция) [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://base.garant.ru/57791500/> (дата обращения: 23.01.2020).

50. Саркисов Г.С., Красиков Ю.А. Ответственность за преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. Ереван, 1990. 102 с.

51. Сафаунов Ф. Экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка // Российская юстиция. 1998. № 3. С. 29-30.

52. Свод законов Российской Империи 1832 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 25.01.2020).

53. Сердюк Л. Детоубийство: вопросы правовой оценки // Российская юстиция. 2003. № 11. С. 43-45.

54. Сердюков М.Г. Судебная гинекология и судебное акушерство. М. : Медицина, 1960. 204 с.
55. Сидоров Б.Ф. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. М.: НОРМА, 2002. 160 с.
56. Соборное уложение от 29 января 1649 [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://base.garant.ru/57791500/> (дата обращения: 25.01.2020).
57. Судебник Ивана III [Электронный ресурс]. Образовательный портал «Древнерусская литература» URL: <https://historicaldis.ru/> (дата обращения: 24.01.2020).
58. Сысоева Т.В. Объективные признаки убийства, совершенного в состоянии аффекта // Научные труды РАЮН. 2008. №3. С.452-456.
59. Тарановский А.Г. Уголовно-правовая характеристика убийства при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление // Вестник Ростовского юридического института МВД России. 2007. № 2 (21). С. 90-91.
60. Уголовное право. Общая часть: учебно-методическое пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» и специальности «Юриспруденция». М. : Юнити-Дана. 2015. 271 с.
61. Уголовное право. Особенная часть (конспект лекций). М. : А-Приор, 2010. 475 с.
62. Уголовное право России. Особенная часть: учебник. М. : Статут, 2012. 943 с.
63. Уголовное уложение от 22 марта 1903 [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://base.garant.ru/57791500/> (дата обращения: 24.01.2020).
64. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 2001. №52 (ч. I). Ст. 4921.

65. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. №25. Ст. 2954.

66. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591 (утратил силу).

67. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15.08.1845 [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://base.garant.ru/57791500/> (дата обращения: 24.01.2020).

68. Фомин М.А. Соотношение и разграничение преступлений, совершаемых в состоянии аффекта и при превышении пределов необходимой обороны // Российский следователь. 2001. № 5. С. 30-32.

69. Федеральный закон от 21 ноября 2011г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: (с изменениями и дополнениями)» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

70. Федеральный закон от 22 декабря 1992 № 4180-1 (ред. от 23.05.2016) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Ведомости СНД и ВС РФ от 14 января 1993 г. № 2. Ст. 62.

71. Хатуев В.Б. Эволюция уголовного законодательства России об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка // Lex russica. 2019. № 1 (146). С. 83-96.

72. Шабанова К.Р., Буркина О.А. Убийство матерью новорожденного ребенка: некоторые вопросы квалификации // Право и государство: теория и практика. 2013. № 1 (5). С. 201-204.

73. Шидула И.Р. К вопросу квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // Успехи современной науки. 2015. № 3. С. 221-227.

74. Щелконогова Е.В. Проблемы применения уголовного законодательства при причинении вреда в состоянии необходимой обороны // Российское право: Образование, практика, наука. 2016. № 3 (93). С. 59-61.

75. Щепельков В.Ф. Субъект преступления: преодоление пробелов уголовного закона // Журнал российского права. 2002. № 2. С. 60-65.